

Парсонс для начинающих. Для применения Ad Hoc.

Глава 4. «Адекватные» описания социальных структур*

Гарольд Гарфинкель

Парсонс считал Гоббса первым теоретиком, ясно и четко сформулировавшим проблему социального порядка для социологии. Рассуждение Гоббса было следующим:

Возьмем человека как Всякого Человека. Пусть этот Человек движим различными «страстями». Пусть этим страстям свойственна иерархическая организация, такая, что все другие страсти подчинены и сводимы к одной — самосохранению. Для каждой страсти есть объект, на который эта страсть направлена, чтобы быть удовлетворенной. Это объекты двух видов. Один класс состоит из тех, что внутренни по отношению к Человеку; второй состоит из объектов, которые составляют внешнюю среду (*environmental*) по отношению к нему. Внутренние объекты — бледные копии внешних объектов. Внешние объекты даются Человеку благодаря непосредственным свидетельствам чувств. Всё, чем эти объекты внешней среды являются для Человека, может быть познано им посредством науки.

Желания постоянно пребывают «в движении». Они выражают «непрерывный замысел», такой, что «человек стремится не к тому, чтобы наслаждаться один раз и на один момент, а к тому, чтобы навсегда обеспечить удовлетворение своих будущих желаний. Вот почему волюнтаристские действия и склонности всех людей имеют целью не только добывание, но и обеспечение благополучной жизни»¹.

Пусть Человек — ученик в мире объектов и событий, который он может знать лишь посредством чувственной вовлеченности. Человек сталкивается с различными регулярностями среды, которые Гоббс назвал посылками и следствиями². Их Человек

* Перевод с английского Василия Кузьмина и Павла Степанцова под научной редакцией Светланы Баньковской.

© Garfinkel Archive, 2011

© Кузьминов В., Степанцов П., 2011

© Баньковская С., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1. Цитата из «Левиафана» Т. Гоббса. Гарфинкель в тексте приводит не совсем точные цитаты из Гоббса. Он заменяет староанглийские слова в оригинальном тексте Левиафана, иногда пропускает знаки препинания. Здесь мы пользуемся русским переводом Левиафана для передачи этих цитат (Гоббс Т. [1991]. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Пер. с лат. А. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 63–623). Там же, где Гарфинкель заменяет слова в оригинальном тексте, мы указываем дополнительно, изменяя соответственно русский перевод.

В тексте, предшествующем цитируемому Гарфинкелем, Гоббс говорит о том, что счастье (*Felicity*) человека состоит в постоянном движении желания от одного объекта к другому. «*Felicity is a continual progresse of the desire, from one object to another*». Непрерывность плана действий как раз и обусловлена тем, что человек не может однажды осчастливиться удовлетворением одного желания, потому что после добывания одного объекта желание будет обращено на другой. — Прим. пер.

2. *Antecedents and consequences*. В русском переводе Гоббса дается вариант «предшествующее и последующее событие». Это отображает то, что хотел выразить Гоббс, потому что, связывая предшеству-

сохранит в виде воспоминаний, которые он будет «принимать в расчет», т. е. вновь и вновь представлять в своем воображении как «цепочку» мыслей.

Здесь Гоббс вводит очень важное понятие рациональности. Одна конкретная форма воображения или воспроизведения цепочки мыслей состоит из цепочки мыслей, представляющей собою посылки и следствия, цепочки, которая регулируется степенью устойчивости желания. Существует метод обращения с этой цепочкой или её воспроизведения, который состоит в извлечении надлежащих познаваемых выводов из процесса «прибавления и вычитания» посылок и следствий. Успех Человека в достижении успешного знания зависит от надлежащего поименования. Многое также зависит от запаса опыта, которым Человек может распоряжаться. Итогом этих расчетов становится замысел Человека. Этот замысел направляет попытки Человека удовлетворить его желания. Инструменты, или шаги, или средства, которые затем он может использовать, будут соответствовать осуществлению его желаний в той степени, в какой они рациональны. Последнее означает, что они были получены при помощи надлежащих способов расчета посылок и следствий. Проверка рациональности — прагматическая. Ожидания, предполагаемые замыслом, будут обмануты в той степени, в какой Человек ошибался, вступая в данный нам в ощущениях мир, или ощущая его (*sensing*), или учитывая потоки событий в нем. Человек не может удовлетворить критериям рациональности, которые предложил Гоббс, и находит, что это мир расходится с его ожиданиями. Но Человек и не желает быть рациональным. Мысли служат желаниям, как разведчики и шпионы, что проникают на чужую территорию и находят путь к желаемой вещи. Вся неспешность движения сознания происходит из этого. Метод разума таков, что величина полагается целой, если она происходит из сложения частей, остаток полагается происходящим из вычитания одной величины из другой. Где бы ни встречались сложения и вычитания, там также встречается разум, и там, где нет места для них, там не может быть и разума. Разум полностью состоит в подсчете следствий условленных общих целей, чтобы пометить и обозначить мысли Человека. Таким образом, разум инструментален по отношению к действию и является условием выживания для Человека.

Каким бы ни был объект желания Человека, его Человек назовет благом. Объект, к которому он испытывает отвращение, он назовет злом⁴. Благо и зло соотнесе-

ющие и последующие события (посылки и следствия), человек может лучше угадывать будущее, как утверждает Гоббс. Это не жесткая причинно-следственная связь, которая не может быть почерпнута из опыта, а лишь умопостигаемая, потому что всё, что знает человек о мире, по Гоббсу, дано ему посредством чувств. Само же связывание предшествующих и последующих событий достаточно произвольно, оно опытно, вероятно, а потому позволяет лишь угадывать, а не предсказывать будущее. Мы же переводим эти термины как посылки и следствия, чтобы выделить их как понятия, т. к. Гарфинкель будет пользоваться ими в дальнейшем, а у Гоббса они не несут понятийной нагрузки. — *Прим. пер.*

3. Ср. с рассуждениями на эту тему в философии прагматизма, особенно у У. Джемса: *James W.* (1976). *Essays in Radical Empiricism* / Ed. by F. Burkhardt and F. Bowers. Cambridge: Harvard University Press, 1976. Более основательный и критический разбор этой темы можно найти в ранней работе Гарфинкеля: *Garfinkel H.* (2006 [1948]). *Seeing sociologically: the routine grounds of social action*. Boulder: Paradigm Publishers, 2006. P. 60–61. — Прим. ред.

4. «Whatever is the object of the Man's desire, the Man will call good. The object of his aversions he will call evil». Почти дословная цитата из Гоббса: «But whatsoever is the object of any man's appetite or desire,

ны с лицом (person), которое пользуется ими. Ничто не существует самостоятельно и просто так: «никакое общее правило о том, что есть благо [в оригинальном переводе — «добро»] и что — зло, не может быть взято из природы самих объектов, а устанавливается или каждым отдельным человеком соответственно своей личности (там, где нет государства), или (в государстве) лицом, которое он там встречает⁵, или арбитром, или судьей, которого расходящиеся во мнениях люди изберут по взаимному соглашению и чье решение они сделают указанным правилом».

Наличные средства, с помощью которых Человек должен достичь некоторого будущего блага, называются силой (power) лица. Исходя из постулата непрерывного движения [желаний] при наличии двух или более Человек, на первое место, говорит далее Гоббс, «я ставлю как общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей силы [power — в оригинальном переводе дано как «власть»], желание, прекращающееся лишь со смертью. И причиной этого не всегда является надежда человека на более интенсивное наслаждение, чем уже достигнутое им, или невозможность для него удовлетвориться умеренным могуществом; такой причиной бывает и невозможность обеспечить то могущество (power) и те средства к благополучной жизни, которыми человек обладает в данную минуту, без обретения большего могущества (power)». Таким образом, общество — это собрание людей.

Ещё несколько характеристик довершают модель. Во-первых, все люди независимы друг от друга, и в соответствии с постулатом, что не существует никакого благого правления, которое может исходить от другого самого по себе, а также с постулатом, что «движение» непрерывно, другой для любого Человека является в любое время не более чем средством для [достижения] этим Человеком цели. Во-вторых, каждый Человек равен другому по способностям. Таким образом, в Человеке нет ничего, вдобавок к этому, что заставляло бы его считаться с желаниями других. То, что Человек не будет считаться [с другими], Гоббс называет равенством Надежды⁶. Социальное отношение в этом случае таково, что в нем два или более Человека вступают в поле

that is it which he for his part calleth good: and the object of his hate and aversion, evil». — «Каков бы ни был объект какого-либо человеческого влечения или желания — это именно то, что человек называет для себя добром; объект же своей ненависти или отвращения он называет злом». [Цитаты взяты из английского и русского изданий «Левиафана» Т. Гоббса.] — Прим. пер.

5. В оригинальном тексте Гоббса «...or, in a commonwealth, from the person that representeth it...». Для Гоббса слово *represent* указывает на то, что государство делегирует права некоторому лицу, чтобы то, обладая ими, могло отправлять государственные функции. В тексте Гарфинкеля: «...or, in a commonwealth, from the person who is encountered there». Намеренно или случайно у Гарфинкеля нет акцента на делегировании прав государством тому лицу, которое его представляет. Он просто говорит о встрече, столкновении, с этим лицом, которое устанавливает правило относительно блага и зла. В связи с этим мы заменяем часть русского перевода Гоббса, где текст Гарфинкеля расходится с английским оригиналом Гоббса. — Прим. пер.

6. У Гоббса равенство Надежды происходит в первую очередь из равенства возможностей достижения целей: «From this equality of ability, ariseth equality of hope in the attaining of our ends. And therefore if any two men desire the same thing, which nevertheless they cannot both enjoy, they become enemies»; «Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами». — Прим. пер.

зрения друг друга как элементы замысла каждого. Есть несколько способов такого вхождения. Во-первых, когда двум или более действующим нужен один и тот же объект, владение которым одним [действующим] влечет за собой его утрату другим. Во-вторых, [когда] нет образца, перед которым все люди одинаково трепещут, каждый человек не доверяет другим. Следовательно, каждый должен заботиться о своей собственной безопасности, и инструментом для этого является угроза. И последнее, люди могут вступать в отношение, потому что каждый человек будет искать у сотоварища того, «чтобы он ценил его так, как он сам себя ценит, и при всяком проявлении презрения или пренебрежения, естественно, пытается [<...>] извлечь у своих хулителей большее уважение к себе»⁷.

Постольку поскольку лишь один рациональный расчет обеспечивает успешное вовлечение в мир, изображенный таким образом, вовлечение, посредством которого достигаются желаемые объекты, действующие могут обеспечить достижение своих целей и в конечном итоге своё собственное выживание посредством постоянного приобретения доступа к наиболее подходящим для достижения цели средствам и их использования. Иначе один Человек становится подчиненным другому. Направление, в котором эта формула может разрешить эту проблему, является функцией противостоящего количества силы, или же противостоящей доступности ресурсов. Общество состоит из деятельностей, в которых каждый Человек противостоит каждому другому в непрерывном процессе приобретения и утраты (denial)⁸.

Нет ужаса перед смертью другого, а только страх собственной смерти, и до тех пор пока Человек действует в соответствии с нормами рациональности, сила — наиболее эффективное средство для выживания. Не существует соглашений, помимо тех, которые Человек сам берется соблюдать, поскольку это соответствует его целям, и до тех пор пока Человек действует в соответствии с нормами рациональности, обман — наиболее рациональная тактика.

Логическим следствием таких условий, говорит Гоббс, является война, в которой каждый Человек становится противником каждого другого.

Гоббс приходит к устойчивому обществу благодаря тому, что [каждый] Человек его общества в силу собственных рациональных интересов передаёт суверену права выносить [конечные] решения в спорах и диктовать условия, при которых каждому будет обеспечено выживание.

Как отмечал Парсонс, Гоббс решил проблему социального порядка при помощи объяснения (account) того, как возможен институциональный порядок. Он возможен, потому что Люди Гоббса мотивированы собственным интересом установить

7. Гарфинкель опять не точно цитирует Гоббса, разрывая оригинальный текст и заменяя в нем некоторые выражения. При передаче этого фрагмента мы опирались на перевод А. Гутермана, однако в одном месте отклонились от него. Там, где Гарфинкель пишет: «...naturally endeavours to extract a greater value from the condemner», в оригинале у Гоббса стоит: «...naturally endeavours to extort a greater value from his contemners». Мы заменили «вынудить у своих хулителей» на «извлечь у своих хулителей», чтобы точнее передать слова Гарфинкеля. — Прим. пер.

8. Здесь у Гарфинкеля в большей степени проявляются мотивы философии Локка, чем Гоббса. Для Локка приобретение кем-либо собственности лишает кого-либо иного этой собственности, оно исключает из владения ею всех прочих. — Прим. пер.

связывающие и принуждающие правила действия для всех в более или менее равной форме, с вероятностью того, что их принудят к исполнению, которая зависит от уважения к суверену. Проблема устойчивых социальных структур, таким образом, сводилась к проблеме контроля над силой и [возможностью] обмана. Задачей суверена, т. е. задачей власти, было обеспечение устойчивого соблюдения соглашений.

Основные части Гоббсовой концепции социального порядка и решения этой проблемы можно найти и в современных социологических теориях и исследованиях. Например, концепция эмпирически адекватных средств явно используется для определения рациональности; или различие между страстями и мыслями, когда мысли рыскают повсюду, словно разведчики, для удовлетворения страстей; Война всех против всех, в которой при исчезновении легитимного порядка открывается путь продуманному и просчитанному использованию силы и обмана в целях самосохранения, выступает как концепция конечного состояния общества.

В «Структуре социального действия» Парсонс ценил Гоббсову постановку проблемы порядка за сформулированные в ней последствия для любой концепции, пытающейся изобразить общество как состоящее из людей, действующих только в соответствии с Гоббсовым правилом рациональности. Гоббс, как предполагал Парсонс, изложил эту проблему с такой силой, что у сторонников описания стабильного общества в утилитаристских понятиях так и не нашлось на это адекватного ответа. Парсонс искал (как в эмпирических, так и в теоретических основаниях) систематические факторы, упущенные в Гоббсовой формулировке. Поиск завершился концепцией действия, управляемого в своем ходе порядком моральных ожиданий, выступающих в качестве всеобщих связующих и принуждающих базовых характеристик общих ситуаций действия. Это был один [из] итогов книги.

В процессе приближения к [этим выводам] в «Структуре социального действия» было дано определение основополагающих задач проблемы социального порядка и предложено их решение. Ниже приведен неполный перечень того множества задач, которые обсуждались Парсонсом: 1) основополагающие идеи понятия «действие-вообще» (action-in-general); 2) проблема рациональности; 3) проблема действующего как предпринимающего⁹ действие (actor as an agency of action)¹⁰; 4) методологический статус субъективных категорий; 5) роль ценностей и знания в действии; 6) методологическое различие и последствия этого различия между естественной причинностью и социальной причинностью; 7) проблематичные отношения между «свободой» и «необходимостью»; 8) эмпирическая референция религиозных идей; 9) логический и методологический статусы понятий мотивации, мотивированного действия и социального контроля.

9. Букв. действующий как «агентство» действия, инстанция, ответственная за исполнение действия. — *Прим. ред.*

10. Мы переводим термин *agency* как «учреждение». Английское *agency* весьма многозначно, но принципиально важным для нас является одно его значение, существующее в качестве значимого философии действия, где с помощью него указывают на возможность человека действовать согласно собственной свободной воле и моральным представлениям, чем также утверждают отличительную особенность такого действия от того, что полностью детерминировано естественной причинностью. — *Прим. пер.*

Чтобы уделить этим задачам внимание, которого они заслуживают, нам пришлось бы слишком далеко отойти от главных целей этой книги. Тем не менее некоторые замечания [проследуют далее] по порядку.

1. Основополагающие идеи понятия «действие-вообще»

В поиске основополагающих идей для общего понятия действия Парсонс шел необычным путем, если иметь в виду теоретические интересы американских социологов, по крайней мере, в то время, когда Парсонс писал эту книгу. Ориентация Парсонса гораздо ближе к немецкой идеалистической философии, чем к прагматистским интересам в теории и в исследованиях, которые преобладали в начале и в середине тридцатых [гг.], когда Парсонс разработал эти проблемы. Парсонс искал концепции, которые с необходимостью должен был использовать *любой* социолог, если он хотел понять социальное действие в первую очередь. Он стремился дать общее определение необходимых условий адекватного описания социального действия. В терминологии философов, Парсонс искал концепции (*conceptions*), которые были бы аподиктическими для общего понятия социального действия. Следовательно, он первым делом искал основополагающую идею общего понятия социального действия. Если бы он следовал конвенциональным путем, то он выстроил бы определение понятия — социальное действие — как собственный выбор теоретика. Вместо этого Парсонс стремился 1) существенно прояснить предполагаемые идеи о действии как о фундаментальном событии (*fundamental occurrence*), как оно закрепилось в употреблении внутри программы, установки, методов и в предполагаемых открытиях социологии; 2) развеять эти предположения; и 3) сформулировать их в качестве критериев адекватной концепции действия как эмпирически происходящего (*empirical occurrence*). Замысел, таким образом, состоял в том, чтобы представить условия, которые должны быть удовлетворены для [создания] адекватного описания социальных действий как эмпирических явлений.

Парсонс предложил идеи целей, средств и условий в качестве основополагающих идей. Их предполагаемая значимость состояла в следующем: какой бы конкретный теоретический выбор ни делал теоретик, он с необходимостью должен был представить разъяснение этого набора идей. Наиболее значимым предполагаемым приложением этого набора основополагающих идей была выработка понятий, в которых можно было бы сравнивать альтернативные теории на предмет их адекватности в качестве описаний социальных действий. В начальных разделах «Структуры социального действия» Парсонс использовал их в точности для этой цели.

Парсонс попытался организовать основополагающие идеи целей, средств, норм и условий в четкое понятие «единичного действия» (*an act*). «Рамка действия» была тем приемом, с помощью которого должна была быть получена четкая формулировка «единичного действия». Рамка действия состояла из четырех концепций¹¹, которые, по Парсонсу, были необходимыми допущениями для теоретиков, приводящих определение социального действия к ясности в качестве эмпирически возможного

11. Мы переводим его здесь как «концепции», т. к. обозначаемое является не набором понятий, а набором методологических рекомендаций. — *Прим. пер.*

события. Во-первых, говорил Парсонс, идеи целей, средств, норм и условий были минимальными «структурными элементами» действия. Под минимальным понималось не только то, что [эта] четверка была исчерпывающей, но и то, что ее элементы были несводимы друг к другу по смыслу и несводимы к другому набору понятий¹², что означало бы существенное изменение их смысла, либо неудачную попытку удовлетворить требование «осмысленного», т. е. адекватного описания. Во-вторых, как считал Парсонс, отношения между этими элементами подразумевают целенаправленный характер всех действий. В-третьих, говорил он, от понятия действия неотделим его смысл, или его значение, или его свойство как «процесса во времени», т. е. неотделима его темпоральная референция. Наконец, он предположил, что категориям действия, в противоположность категориям поведения (*behavioural categories*), присуща субъективность в референции.

В тех немногочисленных критических откликах в Америке на работу Парсонса были сделаны попытки понять эти важные положения, даже притом что они неуязвимы для критики.

(здесь пропущена одна страница [стр. 90] из первоначальных набросков)¹³

...рациональности как свойства индивидуальных действий так же, как и свойств согласованных действий, таких, как те, которые могут составить «систему»; Б) решать на основании изучения опыта вместо выдвижения теории, о том, какие из этих обозначаемых (*designata*) совместимы; В) принимать решение о размещении обозначаемого между определением и эмпирически проблематичным статусом; Г) принимать решение относительно оснований для оправдания любого из возможных размещений, которые теоретик может в конце концов выдвинуть; Д) показывать последствия альтернативных наборов решений для социологического теоретизирования и исследования.

Решение Парсонсом этой проблемы заключалось в выдвижении правила адекватных средств как определения рациональности в поведении (*conduct*)¹⁴. Это прави-

12. Английское слово *term* может быть переведено на русский как «понятие» и как «условие». В тексте Гарфинкель использует их в обоих значениях. В данном случае его следует переводить как «понятие». — *Прим. пер.*

13. Пометка в рукописи. — *Прим. ред.*

14. Гарфинкель различает *behaviour* и *conduct*. Обычно в русском переводе эти слова синонимичны, их переводят как «поведение», но это непозволительно в данном тексте. Вышеупомянутое терминологическое разграничение отсылает к двум традициям социологического теоретизирования: к Парсонсу и к А. Шюцу. В обоих случаях термин *conduct* вводится в качестве противопоставления бихевиоризму, для обозначения только того наблюдаемого поведения, которое может быть осознано как таковое самим наблюдаемым. В «Структуре социального действия» *conduct* впервые появляется у Парсонса в главе, посвященной обсуждению классических мыслителей. Смысл *conduct* у каждого конкретного мыслителя трактуется Парсонсом таким образом, что в конечном счете он означает поведение, связанное с разумом (*reason*). Понимание Шюцем этого термина дословно приведено Гарфинкелем в другом месте. Цитата длинная, но заслуживает быть приведенной полностью:

«Смысл... — это не качество, присущее некоторым определенным отрезкам опыта (переживаниям), возникающим в нашем потоке сознания, но результат интерпретации прошлого опыта, рассмо-

ло гласит, что действие будет называться рациональным, если в выборе средств для манипуляции или изменения настоящего положения дел, с тем чтобы привести его в соответствие с будущей целью, выбранные средства соотносятся и по содержанию, и по процедуре с теми, которые полагаются эмпирической наукой адекватными как для формулировки достижимой цели, так и для решения о том, была ли она достигнута. Это не значит, что действующий Парсонс был рациональным действующим, хотя это значит, что действующий Парсонс не мог бы достичь стабильного общества, если бы он был, эмпирически говоря, нереалистичным. Это также означает, что для того, чтобы понять важные феномены религиозной церемонии, магии и ритуала, Парсонс использовал стандарт, взятый извне этих феноменов, для того, чтобы определить церемониальные, магические, ритуальные и подобные им деятельности в качестве наблюдаемых случаев. Использование чужого стандарта подкреплялось верой Парсонса в то, что процедуры «логики-эмпирической науки» гарантировали эмпирически адекватные описания мира. Еще Парсонс выдвигал правило эмпирически адекватных средств как решение проблемы рациональности. И хотя Парсонс утверждал, что Вебер и Дюркгейм использовали одинаковые решения, это не явству-

тренного из настоящего Сейчас (present Now) при рефлексивной установке. До тех пор пока я живу в своих действиях, будучи направлен на объекты этих действий, действия не имеют никакого смысла. Они становятся осмысленными, если я схватываю их как четко отграниченные переживания прошлого, а это значит — в ретроспекции. Только переживания, которые могут быть вызваны в памяти вне их актуальности и устройство которых может быть поставлено под вопрос, являются поэтому субъективно осмысленными.

Но если согласиться с этой характеристикой смысла, то существует ли вообще такие переживания моей спонтанной жизни, которые субъективно не осмыслены? Мы думаем, что ответ утвердительный. Существуют простые физиологические рефлексы.; определенные пассивные реакции возбуждаемые... волнами неразличимых и смешанных небольших восприятий; моя походка, выражение моего лица, мое настроение... характеристики моего почерка и т.д. Все эти формы непровольной спонтанности переживаются во время своего появления, но не оставляют какого-либо следа в памяти... Будучи неустойчивыми и неотделимыми от окружающих переживаний, они не поддаются ни очерчиванию, ни конструированию в памяти. Они принадлежат к категории *сущностно актуальных переживаний*, то есть они существуют исключительно в актуальности их переживания и не могут быть схвачены при помощи рефлексивной установки.

Субъективно осмысленные переживания, имеющие истоком нашу спонтанную жизнь, следует называть *активностью* (conduct). (Мы избегаем термина „поведение“ (behavior), так как он включает в себя также субъективно бессмысленные проявления спонтанности, такие как рефлексы.) Термин „активность“... обозначает любого рода субъективно осмысленный опыт спонтанности, будь то опыт внутренней жизни или опыт, вторгающийся во внешний мир» (Шюц А. [2003]. О множественности реальностей / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 2. № 2. С. 5).

Учитывая оба понимания, мы считаем, что лучшим образом было бы представить *behaviour* в качестве поведения-вообще, а *conduct* — в качестве осмысленного поведения. Первое следует понимать как наиболее общую категорию наблюдаемого поведения, куда включается как осмысленное, так и не осмысленное, как, например, рефлексорное. Применительно к данному случаю осмысленное поведение следует понимать как более узкую категорию, под которую подпадает только то поведение, которое может стать или уже стало объектом рефлексии человека. Однако в другом месте, где *conduct* используется Гарфинкелем уже не как термин Парсонса, а как свой собственный, необходимо также учитывать щюцанское понимание поведения как еще не отрефлексированного потока во времени (проживания действия). — Прим. пер.

ет с очевидностью из прочтений Вебера другими учеными (Бендикс, Шюц). Аналогичную критику можно высказать и относительно Дюркгейма, однако ее сторонники не столь многочисленны и их голоса не столь слышны, как в отношении Вебера. Ясно, что необходимо отслеживать это правило в прочтении Парето, который изложил его понятно.

Марион Леви¹⁵ в [своей] «Структуре обществ», разрабатывая категории логического, не-логического, алогического и иллогического как описательные категории, следовал работам раннего Парсонса и Парето.

3. Проблема действующего как производящего действие

Методологически эта проблема заключается в том, каким образом [следует] понимать человека как автора действия. Эта проблема касается правильного использования категорий причинности для разбора мотивированных действий и их последствий. По существу, проблема состоит в том, что в повседневной деятельности проблема человека как производящего действия решается при помощи понятий и процедур вменения ответственности и вины. В повседневном употреблении такие категории или процедуры морально эквивалентны категориям причины. У Парсонса было несколько приемов для решения этих проблем. Одним из них был его акцент на «волютаристском» характере социального действия. Второй прием заключался в различении человека и действующего (*person and actor*). Парсонс никогда не уставал подчеркивать, что действующий не является человеком и что [именно] действующие населяют его (Парсонса) возможное общество. Иногда термин «действующий», как его употребляет Парсонс, отсылает к ходу действия, управляемого набором ожиданий, о которых социолог может узнать, глядя на человека. В этом случае «человек» представляет собой методологический прием, помогающий исследователю локализовать поле фактического наблюдения. Авторство в таком использовании значит только то, что существует такое место, куда смотрит наблюдатель, чтобы обнаружить действительные события, которые он желает изучать. Это использование отличается от процедуры приписывания авторства, с тем чтобы определить источник причины или вменения ответственности. Позже в его работах область референтов термина «действующий» была расширена настолько, что он мог относиться и к человеку (*person*), и к роли, и к набору правил, и к коллективу, и к функциональной подсистеме. Общий смысл этих разных значений термина состоит в организованном ходе действия, направляемом на среду объектов. Проблема причинного объяснения (*accounting*) менялась с каждым конкретным использованием. (Игнорировать. Нуждается в переделывании.)¹⁶

15. Marion Joseph Levy Jr. (1918–2002) — американский социолог, ученик Парсонса и последователь его структурно-функционального анализа, применявший его к процессам модернизации современного общества. Гарфинкель имеет в виду его известный двухтомник: *Levy M. J. Modernization and the structure of societies: a setting for international affairs. 2 Vols. Princeton: Princeton University Press, 1966.* — *Прим. ред.*

16. Примечание в рукописи. — *Прим. ред.*

4. Логический статус субъективных категорий

Проблема состоит в том, может ли дать социолог-теоретик адекватное описание ходу наблюдаемого действия, если он не предполагает какого-либо соотнесения с интересами людей¹⁷, с их знанием окружающей среды и обращением с этой средой, но при этом социолог-теоретик не должен ссылаться на научную адекватность этих интересов, с тем чтобы определить, каковы действительные характеристики окружающей среды, на которые реагирует человек, чьи действия описывают. Когда говорят об адекватном описании действительных характеристик окружающей человека среды, оставляя в стороне научную адекватность, то речь идет о действующем (*actor*). Под вопрос ставится и теоретическая процедура привлечения критериев научной адекватности, которые (как предполагает теоретик, описывающий действительную ситуацию действующего) действующий использует. Парсонс решал эту проблему при помощи понятия нормативного положения объектов (*the normative situation of objects*), т. е. культуры. Парсоновское изображение окружающего человека общества, при помощи субъективных категорий, состоит в изображении этого общества в характеристиках здравого смысла — заинтересованности в этих характеристиках, знания о них и обращения с ними людей (как членов общества), которые, управляя своими повседневными делами, ориентированы на эту среду и каким-то образом используют её. Другая сложность этой проблемы заключается в том, что следует учесть интерес каждого отдельного действующего, сохраняя при этом свойство этого знания быть общим знанием об обществе, разделяемым всеми. (Отсылка к проблеме «культурной относительности».)¹⁸

Ранее упоминалось понятие реального общества, вводимое Парсонсом для решения этой проблемы (помимо прочих). Особое внимание следует уделить исследованию типовых переменных¹⁹ в качестве конструкции, позволяющей примирить субъективные категории с теми, которые использует наблюдатель. Альфред Шюц, который в своих социологических работах стремился описывать среду действующего как организацию конститутивных черт здравого смысла, критиковал Парсонса за использование типовых переменных как «не более чем» теоретического решения²⁰. Шюц утверждал, что концепция мира, известного сообществу («общей культуры») для

17. В тексте Гарфинкель использует *persons*. Он выражает этим некоторого человека как человека. Это не парсоновский актер, не личность, а некоторый теоретически ненагруженный концепт, выражающий просто человека, не-актера, который ещё не встроен в теоретическую схему различений. — *Прим. пер.*

18. Примечание в рукописи. — *Прим. ред.*

19. Мы используем перевод *pattern variables* как «типичные переменные». — *Прим. пер.*

20. Феноменологическая критика А. Шюцем таких аналитических систем, как система Т. Парсонса, была направлена на то, что их категории слишком далеки от «субъективных» категорий, которые используют люди в повседневной деятельности для понимания, описания и суждения об окружающем их мире. Категории, которые вводил Т. Парсонс, были для А. Шюца слишком «теоретическими», в том смысле, что они никак не были связаны с «субъективными» категориями, конструктами здравого смысла, которые применяют люди в своей жизни. «Слишком теоретические» категории отдаляют нас от понимания смысла, которым сами действующие наделяют свои действия, а потому от смысла социальности. — *Прим. пер.*

Парсонса была проблематичной лишь в связи с вопросом о том, *что* знают сообща или *знают ли* нечто сообща, но Парсонс игнорировал вопрос о том, *как* вообще возможно сообщество взаимопонимающих²¹. По мнению Шюца, задача заключается в прояснении конститутивных ожиданий, благодаря которым ситуация приобретает свойство быть «знаемой сообща с другими». Эта тема была характерна для Шюца на протяжении всей его работы. Он разрабатывал её при помощи методов конститутивной феноменологии. Шюц говорил, что там, где Парсонс видит начало своей работы, он видит ее возможное завершение.

5. Проблема роли идей в действии

Этой проблеме Парсонс уделяет значительное внимание в работе «Структура социального действия», когда обсуждает роль конечных ценностей. Утилитаристская концепция рациональности и представление о том, что акторы действуют, чтобы максимизировать свои выгоды, рассматривалась Парсонсом скорее как один из видов действия, нежели как схема представления действия вообще. Парсонс обратился к действиям, которые, как он предполагал, направлялись в своем ходе ожидаемым исполнением «не-эмпирических целей». С этой проблемой тесно связана и проблема природы этих «общих систем конечной ценности» и процессов общего оценочного действия²². На протяжении всей своей работы Парсонс утверждал, что стабильное общество невозможно ни представить себе в качестве реалистичной возможности, ни наблюдать эмпирически. Это возможно, если только согласованные действия, образующие это общество, контролируются нормативно единым и более или менее унифицированным набором стандартов оценивания, который определяет для членов общества, каковы желаемые состояния согласованного действия, на осуществление которых и направлены их действия. Этот набор стандартов оценивания направляет действия всех подчиненных систем.

6. Проблема социальной причинности в сравнении с естественной причинностью

Эта проблема заключается в том, что перед теоретиком стоит двоякая задача: принимать в качестве «адекватного объяснения» как определение, так и эмпирический отчет. Учитывая, что действие обладает свойством нормативной регуляции, любая попытка соотнести условия и последствия в духе естественной причинно-следственной связи будет противоречить тому неудобному обстоятельству, что люди

21. Для Шюца важно, понимает ли актор проект действия своего контрагента, чтобы строить свой собственный проект действия, предполагая в то же время, что, как он понимает проект другого, так и другой понимает его проект. В результате категория понимания является тем, что «сплавляет» общество, общество является в этом смысле сообществом «взаимопонимающих». — *Прим. пер.*

22. *Evaluative action*. Это такое действие, в котором моральные стандарты первичны. Выбор между различными способами действованиа осуществляется на основании моральных стандартов. *Evaluative action* следует отличать от *appreciative action*, где основанием оценивания выступает не мораль, а степень получаемого удовлетворения по завершении действия. — *Прим. пер.*

могут пользоваться, пользовались и пользуются теориями действия²³ в качестве максим своего поведения. В силу этого причинно-следственное объяснение должно предполагать принятие людьми *какой-нибудь* теории их общества как набора правил поведения. Это принятие важно, потому что гарантирует адекватность теоретического объяснения. Таким образом, упрямая сложность наталкивает теоретика на разграничение нормативных и описательных теорий поведения²⁴. Описательность же некоторой теории обеспечивается предоставлением эмпирических подтверждений.

Проблему усложняют соображения о наличии физических и биологических условий действия²⁵. Следуя утверждениям «Структуры социального действия» и перенося их в «Социальную систему», Парсонс сомневался, следует ли сохранить субъективные категории как необходимые характеристики действующего в социальной системе. В промежуточной формулировке Парсонс пытался решить проблему, встающую перед социологом-теоретиком, представив ему такого действующего, для которого не было этой проблемы (субъективных категорий) социолога-теоретика, если только он находился в окружающей среде достаточно долго, чтобы покрыть физическое и биологическое окружение культурным слоем. Структуру социальной среды парсоновских действующих можно сопоставить со строением мячика для гольфа с очень сложными «культурными смыслами», встроенными в последовательные наслоения под оболочкой физических и биологических обстоятельств жизни. В «Семье, социализации и процессе интеракции»²⁶ Парсонс отходит от этой формулировки. Объектная среда действующих теперь полностью состоит из мотивационных характеристик объектов (смыслов). Эта среда рассматривается Парсонсом как, с одной стороны, условия, а с другой стороны, продукты социально контролируемых действий. В самом деле, среда новорожденных, с точки зрения новорожденного, как её представляет теоретик, есть среда объектов, обладающих смыслом. Социализация всех действующих может быть рассмотрена как процесс социально контролируемого «расширения» объектной среды.

7. Логический статус понятия, мотивированное действие

(См. работу о некоторых дотеоретических решениях Парсонса для замечаний к этой теме.)

Со времени их начальной формулировки в «Структуре социального действия» поставленные там задачи и решения получили дальнейшую разработку. Некоторые из этих задач остались неизменными; другие были значительно изменены и были

23. Здесь «теория» — в смысле «идеальное представление» о действии. — *Прим. ред.*

24. Именно нормативную теорию принимают люди за набор правил поведения. Она обеспечивает нормативный аспект ситуации путем предоставления некоторой «связной системы правил поведения». — *Прим. пер.*

25. Усложняется потому, что физическое и биологическое как раз и может (и, как считается, должно быть) объяснено в рамках «естественной причинности». Проблема состоит в том, что в результате этого возможно опять сильное привнесение в социологические теоретические конструкции объяснений человеческого поведения на основании «естественной каузальности». — *Прим. пер.*

26. Работа Т. Парсонса, выполненная им совместно с Р. Ф. Бэйлзом и опубликованная в 1955 г.: *Parsons T., Bales R. F. Family, socialization and interaction process.* Glencoe: Free Press, 1955. — *Прим. пер.*

добавлены многие другие. Одной из важнейших заслуг Парсонса перед социологической теорией следует считать то, что итогом его сосредоточенности на системной теории²⁷ был набросок тем, составляющих проблему порядка. Если мы вспомним, что раньше проблема порядка приравнивалась к понятию структурного анализа, то один из вкладов Парсонса состоит в следующем: исследуя условия стабильного общества как понятийно, так и эмпирически, Парсонс очерчивает круг вопросов, образующих структурный анализ, для целей эмпирического социологического исследования.

Но Парсонс не только сделал набросок вопросов, составляющих проблему социального порядка, — он предложил также постепенно разворачиваемые ответы на них. Список этих составляющих вопросов определил набор решений — открытый набор, как выяснилось в дальнейшем, — в понятиях которых и определяется в первую очередь смысл структурного анализа. Ответы на эти вопросы — *любые* ответы — образуют смысл структурного анализа, или буквально — «адекватное описание реальных социальных структур».

Список тем и ответов на них был развит Парсонсом в соответствии со следующими тремя положениями, вместе определяющими «академическую дисциплину». Эти положения таковы:

1) Программа социологии. Она подразумевает корпус социологических открытий, который берется в терминах преднамеренных событий (*intended events*) социального действия как основополагающего проблематичного феномена. Рассмотрение Парсонсом необходимых структур социального действия было направлено на прояснение этого корпуса как набора наблюдаемых случаев (*occurrences*). Можно сказать, что именно рассмотрение Парсонсом необходимых структур социального действия обеспечило социологию определением её «основополагающих случаев».

2) Методы социологического исследования, и

3) Социологическая установка, под которой имеют в виду правила процедуры, определяющие смысл «социологического видения» (*seeing sociologically*)²⁸.

Для Парсонса адекватное описание соотнесённых социальных структур и адекватное описание социальной реальности, т. е. культуры, достигается при соблюдении двух условий, определяющих значение «адекватного описания». Одно условие — это проблема социального порядка. Второе относится к социологической установке. Я уже говорил подробно о проблеме социального порядка, показывая, что она приравнивается к идее структурного анализа и в силу этого к методам социологии, постольку, поскольку и анализ, и методы вместе подразумеваются дисциплиной, в рамках которой решения социологических проблем должны считаться адекватными. Второе условие касается правил процедуры, которые определяют, что делает тот, кто «видит социологически».

Следует различать два набора правил. Во-первых, есть правила, определяющие научную социологическую установку. Их составляют правила, к которым мы обра-

27. В оригинале *systematic theory*. Мы выбираем перевод «системной теории», хотя это рассогласуется с грамматической формой, потому что именно проблему социального порядка ставит Парсонс перед системной теорией как ее центральный вопрос. — *Прим. пер.*

28. Изданная в 2006 г. книга Г. Гарфинкеля так и называется «*Seeing sociologically*»: *Garfinkel H.* (2006). *Seeing sociologically: the routine grounds of social action*. Boulder: Paradigm Publishers, 2006. — *Прим. ред.*

щаемся, когда обсуждаем единство науки и говорим, что это единство должно быть найдено в её методах. Эти правила являются характеристиками установки научного теоретизирования и исследования в целом. Они заключаются, например, в правиле неквалифицированного сомнения, которое требует от исследователя и позволяет ему сомневаться, что мир таков, каким он представляется. Другое такое правило — правило наблюдения. Оно гласит, что ничто не может быть обосновано или расценено как верное основание для дальнейших выводов в исследовании, если предполагаемые характеристики [наблюдаемого объекта], например общества, не были фактически наблюдаемы. И только результат процедур наблюдения образует адекватные основания, позволяющие приписать эмпирическим утверждениям статус обоснованности. Еще одно правило требует, чтобы научное исследование при постановке задач руководствовалось идеалом прояснения конкретной проблемы в соответствии с процедурами научного исследования, которые являются единственным основанием для суждения о том, было или нет достигнуто решение проблемы. И так далее. Эти основания не различаются как минимум в идеале для канонов процедуры социологии и любой другой науки. Эти правила определяют установку научного теоретизирования и исследования, которые в идеале выполняются во всех областях исследования и которые объясняют, что понимают, когда говорят о «теоретических науках».

Есть и дополнительный набор правил, который специфичен для теоретического научного исследования человеческих действий и их объектов. Это следующие правила:

- 1) Постулат релевантности.
- 2) Постулат субъективной интерпретации.
- 3) Постулат адекватности.
- 4) Постулат рациональности.
- 5) Правило социологического эмпиризма.
- 6) Правило «рамки действия».
- 7) Праксеологическое правило.

Эти правила устанавливают, что требуется делать, чтобы «видеть» социологически. Они определяют характеристики специфически теоретической социологической научной установки. Их можно также рассматривать как определенные процедуры теоретической установки в целом в социальных науках.

Эти правила процедуры управляют социологом на пути создания и использования его теорий в ходе упорядочивания данных о человеческом поведении. Они служат, чтобы определить социологический угол зрения в операционных понятиях. Человека можно считать наблюдающим и теоретизирующим социологически, если он, наблюдая человеческое поведение и используя язык для именованя того, что он видит, наблюдает и интерпретирует в рамках этих правил процедуры. Решение вопросов восприятия, объективности, обоснованности и причинной текстуры в соответствии с этими правилами определяет значение выражения «видеть социологически».

1) *Постулат релевантности*

Данный постулат устанавливает, что представляемые теоретиком типы — типичный человек, типичный ход действия, типичная среда человека, типичная организация деятельности (activity), типичное общество — всегда сопровождаются набором

типов, в терминах которых можно судить о значениях конкретных типов. Эти типы представляют исследуемое явление, для прояснения которого они были созданы. Исследуемая теоретиком проблема ограничивает сферу всех возможных типов, которые он мог бы создать в качестве членов некоторого набора типов. Это верно и для теоретических, и для эмпирических проблем. Набор взаимосвязанных типов (в рамках которого отдельный тип приобретает определение своего «надлежащего использования») представляет собой набор правил интерпретации, т. е. *состоит в использовании набора правил интерпретации*. Список этих правил процедурно определяет, что значит «правильный выбор интерпретации». Эта схема используется социологом, чтобы «придать значение» наблюдаемым случаям поведения. Набор [типов] применяется наподобие грамматики, которую теоретик использует, чтобы приписать статус социологических событий поведения случаям (*occurrences*), наблюдаемым в действительности. Теоретик использует их, чтобы принять решение о соответствии между наблюдаемыми действительными случаями и категориями предполагаемых случаев. Они состоят из правил, которые теоретик использует в «понимании поведения». Они предоставляют ему то, что Макс Вебер называл «мотивационно релевантными»²⁹ основаниями поведения. Для теоретика типы и их использование в соответствии с грамматикой (*grammatical use*) и есть решение его задач, которое заключается в прояснении рассматриваемого явления. Именно это прояснение и есть проект действия теоретика. Типы же создаются для обслуживания этого проекта.

Теперь встает вопрос об адекватности типов как решений задач прояснения.

2) *Постулат адекватности*

Это правило гласит, что каким бы ни было правило (что образует грамматику, используя которую определяют верное соответствие между предполагаемыми и действительными наблюдениями), оно должно быть сформулировано таким образом, чтобы описываемое типом действие было доступно опыту действительного человека, чьи действия описывает тип. Если же типичное действие с точки зрения действительного человека недоступно опыту, то оно неадекватно с точки зрения теоретика. Таким образом, адекватность типа состоит в способности воспроизводить действия действительного человека в соответствии с чертами, описываемыми типом. Это *не* значит, что действительный человек сам себе наилучшим образом описывает своё поведение и его обстоятельства. Это могло бы быть так, только если цели, которые преследует действительный человек, справляясь со своими повседневными делами, и отчет о них были бы идентичны целям ученого-социолога. Задачей же социолога

29. Здесь речь идет об «объясняющем понимании», которое отлично от «актуального понимания» (М. Вебер). Объясняющее понимание предполагает понимание смысла действия, который некто действующий вложил в него, в соответствии с мотивацией этого действия. Например, «Мы „понимаем“ в соответствии с мотивацией, какой смысл тот, кто высказывает или записал положение „ $2 \times 2 = 4$ “, вложил в то, что он сделал это именно теперь и в данной связи, если мы видим, что он занят торговой калькуляцией, научным доказательством... или иными действиями, к взаимосвязи которых, согласно их понятному для нас смыслу, принадлежит это положение, т. е. оно обретает понятную для нас смысловую связь» (Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Наука, 1990. С. 602–643). — Прим. пер.

является выделение условий, при которых наблюдаемый ход действительного действия должно расценивать лишь как разновидность предполагаемого хода действия, сформулированного им в типе. Постулат адекватности контролирует утверждения теоретика относительно этих условий. Он контролирует эти утверждения таким образом, как используется правило адекватности. Его использование таково: он предоставляет социологическому наблюдателю соотнесенность с условиями, при которых его должно считать ошибающимся. Он предъявляет эти условия, устанавливая следующее требование относительно описания: правильность описания определяется с учетом доступности действия опыту действительного человека. Вот что наделяет наблюдающего действия человека и обстоятельства этого действия в его представлении верховными полномочиями в принятии решения относительно верности объяснения теоретика. Для того чтобы типичные релевантные возможности предполагаемого человека в его типичной среде были верны, они должны воспроизводить структурированные релевантности обращения действительного человека с действительной средой. И только это.

3) *Постулат субъективной интерпретации*

Это правило гласит, что теоретика в процессе конструирования типичного хода действия или типичной организации деятельности необходимо поставить вопрос о том, какой *тип* действующего или какой *тип* действующего должен он сконструировать для того, чтобы социальные структуры, состоящие из совокупности результатов манипулирования действующего со своей средой, могли быть воспроизведены в качестве распознаваемых совокупностей, которые согласуются с наблюдаемыми [теоретиком] социальными структурами. Правило субъективной интерпретации *не* говорит, что наблюдатель обязан «принять роль», или «встать на позицию», или «поставить себя на место» индивида, чьи действия он собирается описать. Напротив, правило субъективной интерпретации говорит только следующее: социолог-теоретик обязан закладывать в свое теоретическое общество те и только те свойства, которые это общество проявляет, *исходя* из того типа действующего, который был задан [теоретиком].

Это правило устанавливает, что теоретик должен поставить вопрос о том, какой тип индивидуального сознания может быть сконструирован и какие типичные мысли должны быть приписаны этому сознанию, чтобы объяснить исследуемый факт как результат типичных действий типичного сознания в рамках типичного и понятного отношения для действительного человека, чьи действия и обстоятельства действий этот тип предназначен воспроизводить. Эту формулировку можно сравнить с тем, как образуются формулировки в теориях, создаваемых относительно интересов повседневной жизни. В установке повседневной жизни правило будет работать по контрасту: теоретик должен будет задаться вопросом, к какому типу относится человек *на самом деле* или кем бы он должен быть *на самом деле*, для того чтобы объяснить рассматриваемый факт. Недолгое размышление показывает, что правило субъективной интерпретации *внутри установки научного теоретизирования* дает теоретику тип, единственная функция которого заключается в том, чтобы позволить теоретику соотносить утверждения, описывающие условия, при которых произойдет

событие осмысленного поведения (event of conduct); оно ничего не говорит о том, что есть «на самом деле» в сознании другого человека. «Реальный» человек для теоретика, на самом деле, является областью наблюдаемого поведения и ничем более. То, что «на самом деле происходит внутри его сознания», — неизвестно, это незачем узнавать, и на самом деле это никогда не будет известно, поскольку для социолога-теоретика «сознание другого человека» не является эмпирическим данным. Вместо этого оно состоит из набора правил, используемых социологом-теоретиком для «осмысления», т. е. для надления статусом «события осмысленного поведения» своих наблюдений, какими бы они ни были. Тот факт, что сознание *считается* существующим в мире реальными членами общества и то[т факт], что интересы повседневной жизни принимают такое существование как само собой разумеющееся, сами являются феноменами теоретического социологического интереса. Это так, потому что социолог относится к свойствам «онтологических сознаний» как к объектам человеческой среды; как и к другим объектам вроде прав собственности, столов, богов, предков и прочего, которые представляют для него такой же интерес. По существу, социолог-теоретик будет ожидать проявления регулярной взаимосвязи между этими данными и теми, что описывают структуры и операции того общества, в котором эти сознания обнаружены.

4) *Постулат рациональности*

Это правило гласит, что типичное социальное действие должно быть сконструировано таким образом, чтобы:

А) Действительный человек в наблюдаемом мире исполнял типизированное действие так, как если бы у него было ясное и определенное научное знание обо всех элементах, которые определяют будущий ход его действия.

Б) Он рассматривал альтернативные исполнения действия как альтернативы, из которых он может выбирать; и

В) Он проявлял постоянную тенденцию к выбору наиболее подходящих средств к реализации его целей.

Это правило *не* говорит о том, что может показаться на первый взгляд сказанным. Оно не говорит, что до тех пор пока реальный человек в наблюдаемом мире не действует рационально, социологические теории ничего не могут о нем сказать. Не говорит оно и того, что типизированный действующий считается действующим рационально. [Оно] говорит о *рациональности теоретика*, конструирующего и использующего типы — и ни о чем больше. *Рациональность действий реального человека обнаруживается не в типе, но в процедуре конструирования и использования типа, которой следует наученный-теоретик.* В этом смысле представление о том, что реальный человек в наблюдаемом мире исполнил бы типизированное действие, если бы у него было ясное и определенное научное знание обо всех элементах, относящихся к его выбору, и [при условии, что он] будет склоняться к выбору наиболее подходящих средств для реализации своих целей, *не имеет никакого отношения* к тому факту, что реальные люди в реальном мире действуют, согласуясь с условиями и обращаясь к тем средствам, которые они считают достаточными для удержания рационального характера их предприятия. *Но для ученого* такие соображения — данные, а не конструк-

ции. Если ученый желает [получить] научную картину планировки Лос-Анджелеса, то он не конструирует карту, советуясь с водителями такси. Но с другой стороны, он не может ограничиться и картографическим изображением Лос-Анджелеса, если он хочет [получить] «город-Лос-Анджелес-как-объект-для-действия-водителей-такси», (за исключением, возможно, того случая, [когда он использует его] как произвольно взятый стандарт [для] сравнения). То, что реальный человек может действовать, не учитывая нормы рациональности, является предметом большой эмпирической важности и предметом эмпирического исследования, который исследователь никогда не должен упускать из виду. Но даже самые «иррациональные» деятельности теоретик должен рассматривать рационально. В этом все дело. Например, грамматика сновидения отлична от грамматики, которой пользуются математики для определения адекватного доказательства. То, что этот факт имеет место, тем не менее не имеет ничего общего с тем, что «иррациональности» сновидения могут быть рационально истолкованы и что структура сновидения может быть воспроизведена с помощью рациональной грамматики, относящейся к объектам сновидений как к объективным проявлениям.

Тип конструируется согласно предписанию, которое определяет теоретическую и исследовательскую деятельность как рациональную. *Это* [и есть] то, о чем говорит правило рациональности. В *этом* и только в этом смысле — т.е. с точки зрения социолога-теоретика, использующего тип с целью сделать наблюдаемые действия реальных людей понятными, рационально понятными, — можно говорить о «*типичном действующем*, который действует рационально». В этом и только в этом смысле можно будет говорить, что реальный действующий действует так, как если бы у него было ясное научное знание всех элементов, имеющих значение для будущего хода его действия, что то же самое, что и: «реальный действующий действовал бы таким образом, как если бы он относился к условиям своего [действия] так, как к ним относится социальный ученый». Только в таком рассмотрении реальный человек, столкнувшийся с катастрофой, будет [также] поставлен перед выбором альтернатив: чувствовать ужас или не чувствовать ужаса; убегать или не убегать; кричать в панике или не кричать в панике; и перед выбором альтернатив действий, которые должны быть предприняты; альтернативных замыслов, которые должны быть продуманы; чувств, которые должны быть прочувствованы. И этот выбор должен осуществляться на основе знания последствий будущего состояния его самого со всеми потрохами или последствий, которые приведут других в паническое состояние, и т.п. Именно таким образом теоретик рассматривает опыт его типичного действующего и его типичной среды и типичные условия, при которых происходит типичное взаимодействие с типичной средой, а именно — до той степени, конечно же, в которой ученый придерживается норм рациональности в своем использовании «типичного общества» и его «типичных членов».

5) *Правило социологического эмпиризма*

Это правило гласит, что до тех пор пока теоретик берет в качестве своего объекта исследования реальное обращение людей с их реальным окружением, адекватность описания социолога обусловлена тем фактом, что он [социолог] позволяет реальным

людям научать его, как этот реальный человек ведет себя в этой среде для создания эмпирических социальных структур, которые являются проблематичными для социолога и в объяснении которых он заинтересован. Принимая это во внимание, правило социологического эмпиризма предполагает, что учитывая то, как социолог обращается со всем содержанием деятельности реального человека, и [учитывая] описания, [посредством] которых он показывает эту среду, наблюдатель воздерживается от вынесения каких-либо оценок относительно истинности, ложности, тривиальности, важности, достоинства, малозначительности утверждений и действий субъекта, и что все теоретизирование и описание социолога должно осуществляться в пределах, установленных этим воздержанием. Это правило представляет следующие процедуры в качестве идеальных, на которые критику будет позволительно ссылаться как на законные основания для принятия или отклонения описания или интерпретации событий в осмысленном поведении:

А) Относительно описания: описание наблюдателя должно быть таково, что описанный предмет воспроизводим во всей своей полноте любым другим наблюдателем, установившим заданные описанием условия воспроизведения события. Там, где рассматриваются фактические обстоятельства, это правило, без сомнения, является единственным научно оправданным основанием для установления согласия в отношении правильности или неправильности решений о принятии или отклонении с точки зрения корпуса социологического знания любого заявления, претендующего на описание реальных социальных структур.

Б) Относительно интерпретации: от наблюдателя требуется так построить интерпретативные правила, чтобы взятые сами по себе, они не содержали понятий и заявлений, значение которых определяется зависимостью конструирующего их автора от какой-либо социологической теории существования. Это говорит о том, что эти правила интерпретации следует рассматривать лишь как обеспечивающие набор правил, по которым соотносятся заявления о фактах, но не делаются заявления о фактах сами по себе. Иначе говоря, теории дозволено говорить только о том, что обозначает мир, т. е. [говорить], как заявления о фактах должны соотноситься друг с другом, но никогда [не говорить], из каких фактов состоит мир (или из чего состоит мир на самом деле). Такие утверждения определяют значение «корректного вывода»; они сами не являются утверждениями о фактах.

б) Правило рамки действия

Как объект в исследовании, реальный человек рассматривает окружающие его объекты в понятиях тех свойств, которые они ему являют. Таким образом, говорят, что он испытывает различные ожидания относительно своей среды; что он оперирует разными предпосылками; что он использует представления, релевантные и управляющие процессом его обращения с этой средой, аналогично тому, как социолог инструментально использует теории в целях упорядочивания событий своего окружения. Таким образом, представления реальных людей в такой же степени [есть] объекты эмпирического описания для теоретиков, как и любая другая активность, которую может проявлять реальный человек. Таким образом, верно будет утверждать, что важнейшей задачей теоретика по конструированию типичного, фактического (fac-

tual) мира является создание теорий о типичных представлениях типичных людей. Тогда сразу возникает различие между средой, запечатленной с точки зрения наблюдателя, и средой, запечатленной с точки зрения типизированного-наблюдателем-действующего. Это различие должно быть проведено для того, чтобы вопросы о данных (а *все* то, о чем реальный человек думает и что он делает, включая его представления о том, что он делает и о чем он думает, является не более чем данными), и вопросы, касающиеся попытки наблюдателя более или менее систематически упорядочить эти данные, не смешивались [между собой].

(NB последнее предложение напечатано буквально. Копировать примечание наборщика!)³⁰

Зачастую считают, что для наблюдателя задача «принять точку зрения действующего» состоит в том, чтобы некоторым образом «поставить себя на место другого человека», а затем задаться вопросом: «Какой вид имели бы для меня вещи, если бы я был на его месте?». Этот метод иногда представляют как «метод сочувственной интроспекции». Такая процедура, безусловно, обеспечивает теоретика обоснованными гипотезами, и для экономии [сил] в исследовании такой механизм, без сомнений, является полезным. Но такая процедура выполнит то, что от нее требуется, только при условиях, что 1) оба, наблюдающий и предмет его наблюдения рассматриваются как вовлеченные в деятельность научного теоретизирования и 2) что подразумевается, что другой человек обладает знанием о своих условиях [действия], идентичным тому [знанию], которым обладает наблюдатель как аутсайдер [в отношении этого действия], и что [этот другой человек] действует в строжайшем соответствии с этим изображением его целей как условием для их достижения. Эти условия, однако, соблюдаются только в случае [деятельности] человека, вовлеченного в научное теоретизирование.

Таким образом, правило рамки действия не может означать и не означает того, что наблюдатель должен поставить себя на место другого человека. Вместо этого оно отсылает к способу, которым теоретик должен сконструировать среду типичного действующего, после того как он сконструировал [самого] типичного действующего. Правило состоит в следующем: наблюдатель наделяя окружающую среду действующего определенными признаками должен делать это так, чтобы воздерживаться от [вынесения] любых суждений об этой среде. Возможны только суждения в пределах значения конструкции, определяющей типичного действующего, и [эти суждения допустимы] в виде процедур для решения использования последствий в их приближении к канонам научной демонстрации. В этой процедуре не больше субъективизма, чем [в случае], когда физик принимает «точку зрения своей модели» для демонстрации поведения падающих тел в пределах предпосылки классической механики и согласно правилам научной процедуры. Таким образом, можно сказать, что так же как и физик является «чужаком» (stranger) по отношению к своим объектам, так и социолог-теоретик — «чужак» по отношению к наблюдаемым людям. Как с точки зрения процедуры было бы абсурдно говорить и полагать в буквальном смысле, что

30. Ремарка в тексте манускрипта — *Прим. ред.*

физик может поставить себя на место типичного атома и видеть вещи так, как «видит» их типичный атом; аналогично процедурно абсурдно будет говорить и полагать в буквальном смысле, что социальный ученый может поступить подобным образом со своим типичным человеком.

7) *Праксеологическое правило*

Задача праксеологии, как это было описано Котарбиньским³¹, строго говоря, состоит в поиске сходств успешных методов в разных сферах деятельности. Праксеология стремится формулировать высказывания о методе и распространять их обобщения настолько широко в различных сферах их применения, насколько это возможно. Техническая ценность действия, т. е. эффективность, затратность, экономия, продуктивность, согласованность и т. д., и составляет главный интерес праксеологии. Теория игр и научная методология являются примерами праксеологических дисциплин.

Насколько праксеологическое правило, можно сказать, устанавливает определяющую характеристику социологической установки, оно будет относиться к следующему: то, что социолог рассматривает как детерминанту феномена, или что он считает условием и наступлением результата, или объяснением причины, может быть переведено (слово в слово и без изменения любой части смысла в адекватном социологическом описании) в серию высказываний, которые говорят ему [социологу], как человек, если только этот человек, вовлеченный в совокупность действий, действовал, с полным осознанием правил эмпирической адекватности своих действий и их условий как средств [к их осуществлению], (рациональным действием, в случае когда это имеет место, можно назвать «рациональные действия исследователя») — должен действовать, чтобы произвести какое бы то ни было свойство социальной структуры, в объяснении которого заинтересован социолог. Если [например] социолог заинтересован в определенном уровне производительности завода, праксеологическое описание этой производительности представляется вполне привычным языком для этого. Тем не менее аналогичным образом дела обстоят и с распределением людей по классу или доходу, с предпочтениями голосования на выборах, с характерными особенностями разделения труда, с распределением рисков заболевания и смерти по классовому признаку, со стабильностью уровня самоубийств, с соединением симптомов в распознаваемые данные больничных карт и т. д. Это все равно что сказать, что социологические объяснения условий наступления события могут быть переведены слово в слово в термины стратегий, которым могут следовать люди в условиях рациональной игры с целью получения вознаграждения, представленного в виде значения исследуемой переменной. Это правило принятия социологической установки звучит

31. Тадеуш Котарбиньский (Kotarbiński, Tadeusz) (1886–1981) — известный польский философ и логик, представитель Львовско-варшавской школы. Основные положения созданной им праксеологии были изложены в книге «Traktat o dobrej robocie» (1955; русский перевод — 1963). Праксеология — теория и методология совершенствования практической деятельности, формулирующая принципы эффективной реализации любого целенаправленного действия. Праксеология у Котарбиньского переходит в теорию сложных систем, которая позднее была независимо разработана Л. фон Берталанди как общая теория систем. — *Прим. ред.*

следующим образом: любое и каждое свойство какой бы то ни было совокупности взаимосвязанных действий социолог должен рассматривать как значение технической переменной, которого достигают составляющие систему люди посредством своих способов «игры».

Это правило затем описывает все характеристики социальных структур как характеристики типа «как-это-делать».

Можно привести несколько способов использования правила, чтобы прояснить, как работает это правило.

1) Мертоновская теория аномии: чтобы множить характеристики аномии систем действия, социализируйте взаимодействующих так, чтобы они одинаково уважали все значимые цели и при этом постоянно и дифференцированно лишайте их законных способов реализации этих целей.

2) Правило Леви касательно неравенства позиций авторитета и ответственности. Чтобы увеличить неустойчивость системы действия, лишите людей средств контроля за условиями [наступления] исхода [действия], в то же время поддерживайте в них уверенность, что они являются причиной такого исхода [действия].

3) Из исследований Линдемана по наркотической зависимости. Для повышения уровня наркотической зависимости расскажите людям, какие симптомы раздражения (distress) вызваны изъятием наркотиков.

Вопреки общепринятому мнению, установка социологического теоретизирования не требует того, чтобы теоретик использовал системную терминологию (systematic terminology). Факт состоит в том, что можно теоретизировать и «видеть все социологически» с помощью терминологий, которые не только не системны, но их жаргон вовсе не знаком социологам. Фактически невозможно сказать, какой теоретический язык нужно использовать для того, чтобы считаться «видящим социологически». Существенным признаком социологического взгляда выступает не какая-либо конкретная теория, которая применяется, он заключается в правилах, по которым осуществляется и конструирование, и использование теории. Эти правила в результате управляют использованием; они — правила пользования. Эти правила, таким образом, объясняют значение терминов в конкретной терминологии. Именно это важное свойство отношения между значением и перспективой делает теорию Парсонса примером социологического теоретизирования, а не призывом к поддержанию статус-кво, или светским теологическим трактатом, или упражнением, иллюстрирующим, насколько тяжелым можно сделать английский язык, если только предпринять попытку, или всем, чем угодно из бесконечного списка возможных вещей, в которые превратят его [социологическое теоретизирование] правила пользования, если использовать любые другие правила, кроме тех, которые определяют социологическую перспективу.

(Вставить здесь конспект предыдущих четырех глав, с тем чтобы перейти к главе 5, которая представляет собой иллюстрированный случай структурного анализа, сделанного Парсонсом.)³²

32. Примечание в рукописи. — *Прим. ред.*